

A. B. Bodrin

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА
И ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В СФЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1720-х ГОДАХ
(на примере Нижегородской епархии)**

*Работа представлена кафедрой истории России
Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С. В. Перевезенцев*

В статье содержится описание проблем взаимоотношений государства и церкви в Российской империи в сфере политических отношений в 1720-х гг. с учетом нижегородской специфики. Предлагаемые материалы раскрывают конкретную проблематику церковно-государственных отношений, связанную с формированием синодального режима в нижегородском регионе.

The article contains the description of relationships between church and state in the Russian Empire in the context of the political atmosphere in the 1720s taking into account peculiarities of the Nizhniy Novgorod region. The article shows the problems of these relationships connected with the synod regime formation in the Nizhniy Novgorod region.

Политико-правовая проблематика взаимоотношений государства и церкви в первой половине XVIII в. являлась предметом серьезного изучения со стороны таких

крупных историков, как А. С. Булгаков, Н. Д. Тальберг, И. К. Смолич, А. В. Карташев, А. Е. Голубинский и др.¹ Однако при наличии большого числа общих и специ-

альных работ по церковной истории рассматриваемого периода обнаруживается явная недостаточность исследований регионального характера. Существуют отдельные работы, восполняющие данный историографический пробел, в частности из исследований, касающихся нижегородской епархии, можно назвать только одно обстоятельное исследование архимандрита Макария (Н. К. Миролюбова) «Памятники церковных древностей», а также некоторые статьи современных авторов².

Конечно, территориальные проблемы как закономерный результат этапа реформирования церкви по своему содержанию в целом носили универсальный характер и были присущи всем регионам Российского государства.

Но, констатируя факт универсализма церковных вопросов, стоявших перед абсолютистским режимом на местном уровне, следует отметить определенную специфику каждого региона, в котором своеобразно преломились противоречия между светским государством и Православной церковью, что наглядно демонстрирует пример нижегородской епархии.

С выходом в 1721 г. Духовного регламента и учреждением Святейшего синода церковь оказалась полностью подчинена светской власти, а также было положено начало функционированию коллегиальной системы по управлению Православной церковью. Однако формирование нового синодального режима было сопряжено с целым рядом крупных проблем, с которыми напрямую столкнулась нижегородская епархия.

Первую группу проблем составлял беспрецедентный рост в петровское время разного рода злоупотреблений светских чиновников в отношении как самого духовенства, так и лиц, подведомственных ему по синодальной линии.

В частности, гражданские должностные лица – воеводы, комиссары, земские управлятели – взяли в нижегородской епархии

под свой полный контроль сбор налогов с церковных учреждений, земель и лиц. Более того, в архиерейские вотчины посыпались подъячие с нарядом солдат не только для сбора налогов, но и по челобитным делам. Эти солдатские команды вынуждали священнослужителей и церковных крестьян поставлять подводы, подвергали их физическому насилию, держали продолжительное время под караулом. Подобные факты являлись серьезным нарушением императорского указа от 15 марта 1721 г., согласно которому «на духовных о брани, бою, кражъ и прочихъ...»³ все дела поступали исключительно в Синод.

Указ запрещал любое содержание лиц духовного звания под арестом в каком-либо региональном гражданском учреждении, за исключением Синода: «а самимъ не брать в Коллегіи или где индѣ и не держать»⁴.

Однако из донесения нижегородского епископа Питирима в Синод можно сделать вывод о постоянном нарушении этого указа в епархии.

Вторая группа проблем была связана с тем, что механизм разделения сфер ответственности светских и духовных властей в финансовых делах не был отлажен на практике. В соответствии с императорским указом от 11 февраля 1721 г. все сборы с бывших патриарших, архиерейских и монастырских вотчин, которые ранее производились гражданскими чиновниками, теперь находились в сфере компетенции архиерейских домов, «препровождая ихъ или въ прежнія мѣста, или прямо въ Синодъ съ вѣдомостями и счетчиками...»⁵. Одновременно предписывалось подавать об этих сборах Синоду ежемесячные рапорты по образцам, данным из Камер- и Штатс-Контр-коллегий, а вот светских сборщиков допускать до взимания податей было запрещено.

18 декабря того же года епископом Питиримом были получены из Синода вторичные подтверждительные предписания о

доставлении рапортов и ведомостей о текущих сборах в его епархии за 1721 г. и о недоимках за предыдущие годы. Однако, несмотря на получение указа из Синода, процесс передачи сборов от светских властей в ведение архиереев был осложнен целым рядом причин, о которых Питирим сообщил в своем донесении в Синод от 7 мая 1721 г.: во-первых, отсутствие окладных книг и образцовых ведомостей, без которых сборы и отчеты по ним были невозможны; во-вторых, нехватка должностных лиц (подьячие, посыльные и др.); в-третьих, отсутствие предписаний о том, из каких источников оплачивать издержки, связанные с отправкой в Синод так называемых счетчиков, осуществлять размен некачественных монет и т. д. После этого владыка Питирим еще два раза описывал эти проблемы перед Монастырским приказом. Но в итоге ни указов из Синода и Монастырского приказа, ни книг и ведомостей из провинциальных управлений он не получил. Прописывая вновь все вышеизложенные обстоятельства в донесении Синоду от 19 января 1722 г., Питирим добавил, что сборы в его епархии все еще производятся гражданскими властями, «въ Нижегородской Губернской Канцелярии, въ Земской Конторѣ и въ Алаторской провинції»⁶.

Кроме этого, он считал невозможным приступить к сборам в отсутствие книг и ведомостей, а простое отстранение чиновников, по его мнению, могло иметь негативные последствия, «дабы онымъ сборамъ остановки не учинить и доимки не пріумножить»⁷. С другой стороны, не только духовные власти, но и гражданская администрация Нижегородской губернии в лице вице-губернатора Ю. Ржевского не могла повлиять на изменение сложившегося положения.

Вмешательство губернских властей в ситуацию со сборами могло состояться лишь при условии издания соответствующих указов из Сената и Камер-коллегии.

В связи с этим Синод потребовал от Камер-коллегии, чтобы в вотчины нижегородской епархии «посланые... не въезжали»⁸.

Одновременно Синод в своем постановлении от 29 ноября 1721 г. предписал судье Монастырского приказа Ершову определить по всем епархиям необходимое число служащих для взимания окладных сборов.

Но, несмотря на настойчивость синодального ведомства, сбор окладных денег в регионе по-прежнему осуществлялся с нарушениями. Поэтому в 1722 г. Синод был вынужден поставить в известность об этом Петра I, который приказал Сенату издать необходимые указы. В результате Камер-коллегия на основании сенатского указа потребовала от воевод доставить архиерейским управляющим ведомости и запретила своим комиссарам въезжать в монастырские села и деревни.

Тем самым только после личного вмешательства Петра I нижегородский архиерейский дом в полной мере смог реализовать свое законное право на осуществление сборов с духовных вотчин.

К третьей группе проблем следует отнести низкую степень административного взаимодействия как между светской и духовной властями, так и внутри самой нижегородской гражданской администрации по церковным вопросам.

В частности, в нижегородской епархии офицеры и рядовые при сборе оброчных денег подвергали крестьян и синодальных служащих откровенному насилию, что вынудило Синод обратиться в Сенат. Однако последний потребовал от Синода, чтобы тот указал, «когда, гдъ, что и отъ кого происходило изъ показуемыхъ помышательствъ отъ генералитета и земскихъ комиссаровъ»⁹.

В ответ Синод отправил несколько указов в Камер-коллегию и Сенат.

Камер-коллегия, в свою очередь, сославшись на то, что комиссары относятся к компетенции Военной коллегии. Тогда Синод переадресует этот вопрос в Военную кол-

легию, на которой, собственно говоря, это дело и закончилось.

Столь же непросто происходил и набор рекрутов из нижегородских монастырских и архиерейских вотчин для укомплектования армейских и гарнизонных полков. Синод делал распоряжение о наборе рекрутов, которых впоследствии отправляли в Военную коллегию.

Но Военная коллегия требовала проведения на месте следствия только в том случае, если присланные рекруты оказывались негодными.

При этом широкое распространение приобрело бегство новобранцев, в результате чего Синод вступал в длительные переписки с разными ведомствами. Другим аспектом этой группы проблем было отсутствие на уровне региона тесных административных связей между властями, выступающими от имени Синода и Сената, что находит свое подтверждение при рассмотрении раскольнических дел.

Генерал-майор С. А. Салтыков, командированный в Нижегородскую губернию для освидетельствования раскольников мужского пола, требовал от вице-губернатора Ю. Ржевского предоставления данных о числе старообрядцев, проживающих в лесах и кельях епархии.

Ю. Ржевский отказался прислать С. А. Салтыкову ведомость без синодального разрешения, мотивируя свое решение тем, что «ежели такое изъяснение отослано будет, то... многие жители разъгутся...»¹⁰.

Между тем Салтыков об отказе Ржевского донес в Сенат. Сенат, сообщив о донесении Салтыкова в Синод, послал Ржевскому указ о немедленной отправке ведомости. В свою очередь, Синод также отправил Ржевскому и епископу Питириму указы, повторяющие сенатские распоряжения, правда исключающие взимание с раскольников оклада в двойном размере, предусмотренное в предписании Сената.

Таким образом, только после указаний высших правительственные учреждений

империи вице-губернатор Ю. Ржевский предоставил необходимую ведомость.

Тем не менее расхождение между Сенатом и Синодом по тем или иным региональным вопросам продолжало сохраняться.

Тот же вице-губернатор Ю. Ржевский вновь оказался в двусмысленном положении, когда встал вопрос о раскольническом сборе.

Согласно сенатскому указу деньги должны были вноситься в рентереи с обязательным указанием их количества в Штатс-конторе. В то же время это не соответствовало синодальному приговору. Синод, ссылаясь на императорскую резолюцию, предписал Ю. Ржевскому доставлять раскольнический сбор исключительно в центральное учреждение духовных дел.

В основе четвертой группы проблем во взаимоотношениях государства и церкви лежал вопрос о наложении на церковнослужителей нижегородской епархии незаконных податей, из которых особое недовольство вызывал сбор на строительство каналов. Об этом свидетельствуют донесение епископа Питирима в Синод и члены священников г. Арзамаса.

В данном случае действия чиновников не имели под собой никакой юридической основы, так как ни в указе от 26 ноября 1718 г. о сборе на канальное дело, ни в других указах не содержалось упоминания о том, чтобы церковнослужители в нижегородской епархии подлежали этим податям. Несмотря на это, камериры и комиссары требовали этих сборов с «великимъ правежемъ»¹¹. По этой причине Питирим подал жалобу в Синод, в которой речь шла о необходимости засчитать произведенные с духовных лиц незаконные поборы в счет «Козловского оклада и оклада съ бань»¹², под которые они подпадали. Вместе с прошением Питирима в Синод поступила также и члены священников и причетников с

просьбой отменить взимание канальных денег «за многою ихъ скудостю и нищетою»¹³. Рассмотрев жалобы нижегородского духовенства, Синод как орган, представляющий интересы духовного сословия, потребовал от Сената оказания юридической помощи относительно возможного наличия каких-либо указов, на основании которых действуют камериры, а также освобождения церковнослужителей от незаконных сборов.

Несоблюдение гражданскими властями законодательства в части несения духовенством государственных повинностей проявилось и в вопросе сбора с архиерейских и монастырских вотчин провианта и фуража для расположенных на зимние квартиры драгунских и пехотных полков – количества взимаемого провианта и фуражи превышало нормы, предусмотренные распоряжением Камер-коллегии. Незаконный характер носила и практика размещения полковых лошадей не только в монастырских вотчинах, но и в самих монастырях.

Пятая группа проблем вызывалась недостаточностью чиновников в бюрократических церковных учреждениях нижегородской епархии, тем более что их часто переводили в другие ведомства. Масштаб этой проблемы уже не ограничивался исключительно границами полномочий епархиальной администрации и потребовал вмешательства гражданских властей в лице вице-губернатора Ю. Ржевского, в донесениях которого речь шла о невозможности увольнения в другие учреждения подьячих, состоявших при канцелярии раскольнических дел нижегородской епархии.

Первое донесение от 1 июня 1723 г. касалось только одного подьячего Панова, который при переписи раскольников и при сборе с них двойного оклада был перемещен гвардии майором Салтыковым в канцелярию для свидетельства душ мужского пола. Основываясь на резолюции Петра I на докладных синодальных пунктах от 14 фев-

раля 1721 г., запрещавшей перевод подьячих из синодального в другие ведомства без санкции императора, Синод 12 июня того же года принял следующий приговор: взять Панова по-прежнему к раскольническим делам, о чем было объявлено указами как Ржевскому и Салтыкову, так и Сенату.

После этого подьячий Панов действительно вернулся в канцелярию раскольнических дел, но, как видно из другого донесения Ржевского, только на четыре дня, а потом опять перешел к Салтыкову.

В остальных четырех донесениях Ржевский писал уже о том, что почти все, и старые и молодые, подьячие из канцелярии раскольнических дел нижегородской епархии покинули прежнее место службы. Хотя на каждом из этих донесений синодальные секретари делали пометку об их обязательном рассмотрении, переписка по этому вопросу между Синодом и Камер-коллегией длилась вплоть до середины 1726 г. и не имела положительного результата.

Подытоживая рассмотрение проблем взаимоотношений государства и церкви в первой четверти XVIII в. на провинциальном уровне, необходимо отметить, что церковная реформа Петра I радикально изменила прежнюю систему отношений светской и духовной властей в сторону доминирования государственного режима. Однако, несмотря на формирование нового правительственный курса в отношении духовенства, противоречия в сфере церковно-государственных отношений продолжали сохраняться. В результате на первом плане оказались проблемы административного и бюрократического характера, в частности низкая степень административного взаимодействия между светской и духовной властями по церковным вопросам. Решение этих проблем в нижегородской епархии шло с трудом, постоянно требуя вмешательства верховых властей и преодоления различных бюрократических препон.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Булгаков А. С. История Русской Церкви. М., 1903; Тальберг Н. Д. История Русской Церкви: В 2 т. М., 1994; Смолич И. К. История Русской Церкви: В 2 ч. М., 1997; Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. М., 1997; Голубинский А. Е. История Русской Церкви. М., 1901.

² Макарий (Миролюбов Н. К.). Памятники церковных древностей. Н. Новгород, 1999; Бугрова М. С. Исайя, митрополит нижегородский и арзамасский; Морохин А. В. Особенности исповедальной системы учета старообрядцев в нижегородской епархии в первой половине XVIII в. // Памятники христианской культуры нижегородского края: Материалы научной конференции 29–30 марта 2001. Н. Новгород, 2001.

³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. С. 357.

⁴ Там же. С. 358.

⁵ Там же. С. 98.

⁶ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), Ф. 570. Оп. 552. Д. 149. Л. 2.

⁷ Там же. Ф. 570. Оп. 552. Д. 149. Л. 2.

⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. С. 337.

⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1897. Т. 5. С. 14.

¹⁰ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 21. Л. 2

¹¹ Там же. Ф. 570. Оп. 552. Д. 9. Л. 4

¹² Там же. Ф. 570. Оп. 552. Д. 13. Л. 3

¹³ Там же. Ф. 570. Оп. 552. Д. 167. Л. 5.